

**К БИОГРАФИИ ВОРОНЕЖСКОГО ДИРИЖЕРА
И КОМПОЗИТОРА А. А. БОЛДЫРЕВА****В. А. Алленова***Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 22 июня 2019 г.

Аннотация: в статье на основе документов ГАОПИВО впервые воспроизводятся неизвестные страницы биографии известного воронежского хорового дирижера, композитора и аранжировщика русских народных песен А. А. Болдырева.

Ключевые слова: А. А. Болдырев, воронежский композитор и дирижер, биография.

Abstract: the unknown pages of the biography of the well-known Voronezh choral conductor, composer and arranger of Russian folk songs are reproduced on the basis of GOAPIVO documents.

Key words: A. A. Boldyrev, Voronezh choral conductor, composer, biography.

Александр Александрович Болдырев (1914–1995) – известный воронежский композитор, хоровой дирижер и педагог, внесший значительный вклад в музыкальную культуру края. Его деятельность и творчество хорошо известны воронежским любителям музыки и профессиональным музыкантам. Однако А. А. Болдырева, как и многих советских людей его времени, не обошли тюрьма, ссылка и лагеря, ставшие результатом незаконных репрессий. Сам музыкант упоминает об этом периоде своей жизни в воспоминаниях, но делает это довольно скупое, без объяснения причин произошедшего, что вполне объяснимо и тяжестью пережитого, и значительным периодом времени, прошедшего с тех пор. Однако документы Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области позволяют пролить свет на обстоятельства ареста А. А. Болдырева и его друзей, которым, в отличие от него, не суждено было вернуться с Колымы.

Значительно более подробно А. А. Болдырев описывает в воспоминаниях историю своей семьи, что дает возможность реконструировать его генеалогическое древо. Дед музыканта – Григорий Васильевич Болдырев – происходил из казаков Войска Астраханского, бабка – Екатерина Васильевна – из обедневшего дворянского рода Чуксеевых. В семье было четверо детей – Агриппина, Александр, Михаил и Любовь. Отец – Александр – окончил с отличием Астраханскую гимназию и, будучи обладателем красивого голоса (тенора), имел возможность учиться за казенный счет в Московской консерватории. Однако он предпочел другую стезю и поступил на медицинский факультет Казанского университета, став впоследствии психиатром [1, с. 4]. Мать композитора

также происходила из казачьей семьи, но, в отличие от отцовской, очень бедной. Ее отец – Илья Григорьевич Ленников – был пастухом, мать – Анастасия Григорьевна Гусарова – также из бедной казачьей семьи, умерла от туберкулеза в 1928 г. Двоюродный брат помог И. Г. Ленникову устроиться артельщиком на строительство, которое осуществляло акционерное общество Московско-Рязанской железной дороги семейства фон Мекк. Попав в крупную аварию, он получил от владельцев Общества значительную денежную компенсацию, которая позволила ему приобрести в Воронеже земельный участок в районе СХИ. Здесь он построил дом и разбил сад.

На старшей дочери И. Г. Ленникова – Екатерине и женился отец композитора. В этом браке родилось двое детей – Юрий, умерший в пятилетнем возрасте, и Екатерина (1909 г. р.). После трагического случая на охоте, когда А. Г. Болдырев, разряжая ружье, случайно попал в свою жену, он женился на ее сестре Антонине, вольнослушательнице медицинского факультета Казанского университета. От этого союза в 1914 г. в Томске, где отец работал психиатром, а мать оканчивала университет, родился будущий композитор. Дата его рождения вызывает некоторые вопросы, так как в воспоминаниях А. А. Болдырев указывает 3 июля (19 июня) [там же, с. 6], а в посвященных ему воронежских изданиях и википедии значится 16 (29) июля [2–4]. Поскольку по церковным законам жениться на сестре покойной жены запрещалось, при рождении он получил фамилию Ленников и отчество Ильич, и только после официальной регистрации брака родителей в 1917 г. в Астрахани и последующего усыновления фамилия и отчество были заменены.

Во время гражданской войны отец А. Болдырева был мобилизован в 3-ю Интернациональную бригаду

и в мае 1921 г. умер от сыпного тифа и менингита в г. Баскунчак. Мать также работала врачом на фронте и только в конце лета 1921 г. переехала с сыном в Воронеж, где была назначена заведующей врачебным пунктом на станции Отрожка. Уже в детстве А. Болдырев на себе почувствовал последствия классовой сегрегации. «Мне в это время, – писал он, – было особенно больно. Как и всякому мальчишке, мне хотелось быть пионером, но вожатый заставил меня прочитать слова гимна пионеров и сказал: “Ну, вот, видишь, “дети рабочих, смело за нами!”. А кто твоя мать – интеллигенция, ты нам не нужен”. Так я привычался к мысли, что интеллигенция – это люди второго сорта» [1, с. 7].

В 1928 г. семья получила квартиру на ул. Урицкого, д. 6, кв. 3. В это время А. Болдырев учился в 6-й советской опытно-показательной школе-девятилетке с педагогическим уклоном при педагогическом факультете ВГУ. С 1930 г. ведет отчет его трудовая биография – еще не окончив школу, он начал работать на разработке месторождения фосфоритов под Курском, затем разнорабочим в Воронеже. Очевидно, таким образом А. Болдырев пытался «исправить» свое социальное происхождение, влившись в ряды рабочих с тем, чтобы получить возможность для дальнейшего образования. В 1932 г. А. Болдырев поступил в Комбинат рабочего образования вечернего Архитектурного института, который спустя два с половиной года был упразднен. Студенты переводились в Строительный институт, а А. Болдырев получил приглашение окончить экстерном химический факультет ВГУ. За полгода он сдал экзамены за три курса и одновременно (с 1932 г.) учился в музыкальном техникуме на фортепианном отделении (преподаватель – В. П. Бобровский) и дирижерско-хоровом (преподаватель – В. Б. Ижогин). В это же время А. Болдырев стал музыкальным руководителем агитбригады клуба имени Коминтерна вагоноремонтного завода имени Э. Тельмана.

Однако в середине 1930-х гг. произошел резкий перелом в жизни начинающего музыканта. 4 апреля 1935 г. оперуполномоченный 4-го отделения СПО УГБ УНКВД по Воронежской области Александр Михайлович Суворов рассмотрел дело на троих молодых друзей – А. Болдырева, П. Чурилова и Б. Никитина – и нашел, что они, «встречаясь на своих квартирах, ведут контрреволюционные беседы, в которых критикуют мероприятия советской власти, причем Чурилов и Никитин в присутствии других знакомых в беседах выступали против тов. Сталина. Никитин же в беседах одобрительно отзывался о желательности террористических актов против “всех вождей сразу”» [5, л. 1]. Было вынесено постановление об их аресте и возбуждении уголовного преследования против них по признакам п. 10 и 11 ст. 58.

Уголовного кодекса. Вот как вспоминал об этом сам А. Болдырев: «И вот наступил трагический день 24 апреля 1935 г. За мной пришли в 10 часов вечера. Арестовывал следователь, который впоследствии вел мое дело – Суворин (правильное написание фамилии следователя Суворов, в последующих цитатах она исправлена. – В. А.). Ночью меня доставили в Воронежскую тюрьму, в камеру, где я был 18-м человеком. Мы могли только стоять, настолько там была мала площадь. Вот, где я увидел первый бал, небо с овчинку. Познакомился с обратной стороной медали о счастливой жизни» [1, с. 9].

Наряду с А. Болдыревым были арестованы его друзья. «Нас было трое, – вспоминал А. Болдырев, – Борис Николаевич Никишин, 1912 г., Александр Александрович Болдырев, 1914 г., Павел Павлович Чурилов, 1915 г. В живых остался один я. Борис и Павел умерли на Колыме. Где и когда – неизвестно» [1, с. 9]. Фамилии и даты рождений арестованных в воспоминаниях по вине автора, который мог забыть их за давностью, либо редактора, допустившего неточности, приведены не верно. С сожалением приходится констатировать, что корректуру воспоминания не прошли вообще – даже на обложке издания искажены инициалы А. А. Болдырева.

Документы ГАОПИВО позволяют уточнить данные арестованных. Один из них – Павел Павлович Чурилов – студент рабфака ВГУ, проживавший на ул. 9 января, д. 70, кв. 1. Он имел еще более «сомнительное» происхождение, чем Болдырев (был дворянином), родился 27 сентября 1914 г. в г. Сумы Харьковской губернии, в семье помещика. Отец арестованного – П. П. Чурилов (1868 г. р.), бывший помещик, административно высланный, в советское время стал счетоводом, но также привлекался к суду по делу так называемой «антисоветской, религиозной организации» протоиерея М. Ф. Бучнева в 1930 г., однако был оправдан [6]. Двое его других сыновей – Михаил (1907 г. р.) и Николай (1909 г. р.) – также выслались из Москвы за участие в религиозной организации. В анкете обвиняемый указал на свою пролетарскую профессию – слесарь, но заявил, что на момент ареста был безработным и имущества не имел [5, л. 17]. 24 апреля 1935 г. оперуполномоченный 4-го отделения СПО УГБ УНКВД по Воронежской области Суворов и начальник СПО УГБ УНКВД Иноземцев вынесли постановление об аресте П. Чурилова, который якобы «в среде своих товарищей ведет контрреволюционную агитацию» [там же, л. 14]. В тот же день он был арестован, а в его квартире был проведен обыск, в результате которого была изъята переписка и паспорт, до сих пор хранящийся в составе архивного дела. На допросе 24 апреля 1935 г. П. Чурилов заявил, что беседы на политические темы с друзьями вел, но ничего предосудительного в них не было [там же, л. 21].

Третий из обвиняемых – Борис Николаевич Никитин (1912 г. р.), «сын специалиста», как сказано в протоколе, был студентом 4-го курса конструкторского факультета инженерно-строительного института, членом ВЛКСМ, проживал на ул. Ворошиловской, д. 22 [там же, л. 21]. На допросе Б. Никитин заявил, что никогда не вел со своими товарищами разговоров антиправительственного характера, тем более не готовил террористические акты против Сталина, однако признал, что обсуждал с П. Чуриловым обстоятельства отказа им в приеме в учебные заведения на основании социального происхождения и что он был не доволен таким положением [там же, л. 9]. На призыв следователя вспомнить, какие еще эпизоды подобного характера он может привести, Б. Никитин показал: «Помню единственный случай в квартире Болдырева, со мной был и Чурилов, когда Болдырев играл на пианино разные музыкальные вещи, в том числе и царский монархический гимн “Боже, царя храни”, я на это не обратил никакого внимания и не воспрепятствовал Болдыреву играть эту вещь, и считаю, что такое мое поведение компрометирует меня как комсомольца» [там же, л. 11].

А. Болдырев признал, что играл на фортепиано гимн царской России и высоко оценивал его с музыкальной точки зрения. «По вопросу о некоторых советских музыкальных произведениях, – показал он, – я выражал недовольство их бессодержательностью, несоответствием музыки и слов, при этом говорил, что их первоначальные звучания совпадают со звучанием Интернационала» [там же, л. 32]. Он также критически оценивал советскую архитектуру, считая, что ее стиль не соответствует эпохе, которая слишком богата, чтобы «выражать ее в кубиках».

8 мая 1935 г. П. Чурилову было предъявлено постановление об обвинении его в том, что он «в кругу своих товарищей вел контрреволюционную агитацию, выражавшуюся в восхвалении жизни за границей, которую противопоставлял жизни в СССР. Одновременно доказывал, что раньше в России жилось лучше, чем теперь. Убеждал своих знакомых не верить тому, что пишут в советской прессе о кризисе и безработице, мотивируя тем, что кризиса там нет. Допускал резкие высказывания против тов. Сталина, заявляя вместе с тем, что “рабочие недовольны своей жизнью, их одурачили и в связи с этим скоро можно ожидать взрыва внутри страны”» [там же, л. 19]. После предъявления обвинения П. Чурилов заявил о непризнании своей вины, указав, что о жизни за границей ни с кем не говорил, равно как и о Сталине разговоров не заводил. Однако уже 28 мая он полностью подтвердил все обвинения, что не удивительно с учетом практиковавшихся в то время методов допросов. А. Болдырев вспоминал: «Встреча с “паном”

Дукельским¹ у Суворина. Его сентенция: “Мы не собираемся Вам доказывать, в чем Вы виноваты. Это Вы докажете нам, что Вы не виноваты, но помните, что Вы сидите в тюрьме”» [1, с. 9].

Под давлением следователей П. Чурилов подписал протокол, в котором подтвердил, что в беседах с друзьями говорил следующее: «пролетариат в нашем Союзе является материально менее обеспеченным, чем рабочие Форда, и в связи с этим среди старых кадров рабочих имеет место недовольство Советской властью. Для того, чтобы подтвердить это мое утверждение, я приводил пример о том, что партия приехавших иностранных рабочих, пробыв некоторое время на наших предприятиях, уехали обратно за границу, так как посчитали, что обеспечить себя материально они смогут там лучше, чем в СССР. Помимо вышеприведенных фактов имел место и ряд других высказываний, носивших контрреволюционный характер, а именно: “Я считал, что существенный кризис, охвативший капиталистические страны, носит временный характер, существенного ущерба капиталистическому строю принести не может, так как и ранее бывавшие, является преходящим явлением, после которого наступал новый подъем. Вместе с тем я считал, что советская печать положение в капиталистических странах, и в частности связанное с кризисом, освещает односторонне с тем, чтобы нарисовать картину мрачнее, чем она есть на самом деле!”» [5, л. 23].

В качестве свидетелей обвинения были привлечены знакомые арестованных. А. Болдырев вспоминал: «Я не знаю, сколько их было против нас. Мне лично известно первое: Виктор Ленков, он же Болдырев, Георгий Хлопотуков и Георгий Кошунцов. Живы ли двое последних – не знаю» [1, с. 9]. Названные А. Болдыревым фамилии не вполне точны – документы ГАОПИВО позволяют уточнить фамилии тех, кто помог осудить невиновных людей, двоим из которых это стоило жизни. В их числе были студент СХИ Вадим Дмитриевич Лузгин (1911 г. р.), показавший, что Болдырев всегда был «антисоветским человеком», и из-за того, что его не приняли в Московскую консерваторию, допускал антисемитские высказывания [5, л. 39]; студент ВИСИ Геннадий Дмитриевич Колкунцов, заявивший, что Чурилова знал мало, но встречал его у Болдырева, и что Чурилов хотел попасть на флотскую службу для того, чтобы уехать за границу к дяде. При этом он подтвердил, что политических разговоров при нем не велось [там же, л. 44].

¹ С. С. Дукельский – заместитель председателя представительства ОГПУ по Центрально-Черноземной области в г. Воронеж (с 1930 г.), известный по красному террору в Крыму в 1920 г. и внесудебным расправам, непосредственно причастный к арестам историков и краеведов по так называемому «делу краеведов ЦЧО». Начальник Воронежского областного УНКВД (1934–1937 гг.), «куратор» О. Мандельштама во время его ссылки в Воронеж.

Техник по строительству мостов Виктор Никитович Лепков (1914 г. р.) утверждал, что Болдырев критиковал советскую архитектуру, заявляя, что ее «стиль является аляпистым и обезьяничьим с германской архитектуры», а также отказывал в оригинальности советской музыке, восхищаясь при этом всем заграничным [там же, л. 45]. О В. Н. Лепкове известно, что впоследствии он работал в обкоме КПСС, но был уволен после XX съезда КПСС.

Студент ВГУ Георгий Федорович Хлопотунов показал, что с А. Болдыревым, Б. Никитиным и П. Чуриловым знаком с 1924 г. по учебе в школе. В конце 1934 г. он встретился с П. Чуриловым в ВГУ, а затем они виделись на квартире у А. Болдырева. На этих встречах П. Чурилов якобы негодовал по поводу существующего строя, осуждал его, но восхвалял за границу и старый строй. В 1930–1934 гг. П. Чурилов работал на заводах в Москве и Воронеже (завод № 18) и много рассказывал о заводской жизни. При этом он, по показаниям Хлопотунова, утверждал, что «на заводе довольных существующим положением мало, почти все рабочие недовольны», а молодежь, не видевшая жизни, введена в заблуждение комсомолом и партией и в силу своей неразвитости не может критически подходить к тому, что пишут в газетах. Также он выражал недовольство положением интеллигенции, утверждая, что в настоящее время она находится в худших условиях, чем до революции и за границей. В качестве доказательства он приводил факты, что за малейшие провинности выходцы из интеллигенции изгоняются из учебных заведений, и в дальнейшем им закрывается возможность работы в советских учреждениях. Сравнивая настоящее и дореволюционное время, П. Чурилов утверждал, что до революции все большевики имели возможность учиться, а в советское время существует отбор по социальному признаку. «Особую злобу, – по словам Г. Хлопотунова, – Чурилов выражал против коммунистов, которые, по его мнению, ничего не делают, занимаются только говорильней и вводят в заблуждение или, как он выражался, “опутывают” молодежь... Рабочие СССР, делая революцию, не хотели такого строя, какой получился сейчас на деле, рабочие других стран не знают правды об СССР и введены в заблуждение, т. к. в противном случае они не захотели бы такого строя, какой сейчас у нас существует, и отошли бы от коммунистической партии» [там же, л. 50]. Поэтому, как он утверждал, скорее возможен взрыв недовольства населения внутри страны, чем нападение извне, а то, что пишут в советских газетах о Западе, – это ложь. Все эти разговоры велись, по словам свидетеля, на квартире у А. Болдырева, а иногда в университете. Г. Хлопотунов также показал, что Б. Никитин чернил партию, которая, по его словам, построена не на сознательности ее членов, а на стра-

хе по принципу иезуитского ордена. Он также отрицательно относился к комсомолу, став комсомольцем «из шкурных интересов», считая его «говорильней»: «сидят на шее беспартийных специалистов и ничего не делают» [там же].

А. Болдырев, по словам Г. Хлопотунова, восхвалял Л. Троцкого, роль которого в революции высоко оценивал, критически высказывался насчет обстоятельств убийства С. М. Кирова, хвалил царский гимн и отрицательно отзывался о гимне «Интернационал». Он также утверждал, что единственным двигателем прогресса общества является индивидуум и что он никому, кроме себя, не верит.

О ходе дознания А. Болдырев оставил всего несколько фраз: «Обвинения, которые рушатся одно за другим, – монархизм, троцкизм, анекдоты, агитация против советской власти. Книги Троцкого, забранные у меня. Автограф хозяина книг. Отказ в очных ставках (“нам и так все ясно”). Нас уличают. Неосторожная фраза, в результате которой следствие заканчивалось и предъявлялось обвинение по ст. 58, ч. 1, п. 10.11... Пункт 11 не нашел подтверждения на заседании тройки, несмотря на все ухищрения Ленкова и Хлопотукова» [1, с. 10].

Что касается упомянутого А. Болдыревым п. 11 ст. 58 главы первой (Преступления государственные. 1. Контрреволюционные преступления) УК РСФСР, то он предполагал организацию контрреволюционной группы: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы» [7]. Однако доказательств создания контрреволюционной организации следователям сфабриковать не удалось.

Тем не менее на основании показаний свидетелей было вынесено обвинительное заключение, в котором говорилось, что молодые люди, «являясь антисоветски настроенными, собирались в квартире у А. Болдырева, где последний играл на пианино монархические гимны, восхищаясь ими. Среди своих знакомых, преимущественно молодежи, поводили антисоветскую агитацию»; А. Болдырев восхвалял Л. Троцкого и его роль в революции; Б. Никитин «вовсю старался оклеветать партию и комсомол», а П. Чурилов, «подвергая критике молодежь, идущую за линией партии, считал, что мол “опутана” и т. д.» [5, л. 53–54]. Обвиняемые признали себя виновными частично. Обвинительное заключение, направленное в спецколлегия (далее – СК) Воронежского областного суда, было вручено арестованным 7 сентября 1935 г. Они обвинялись в контрреволюционной агитации и антисо-

ветской деятельности. 11 сентября 1935 г. спецколлегия приговорила троих обвиняемых к пяти годам тюремного заключения, считая с 25 апреля 1935 г., по ст. 58-10 УК РСФСР: «58-10. Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2–58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего кодекса» [7].

Справедливость восторжествовала спустя лишь два с лишним десятка лет: А. А. Болдырев, П. П. Чурилов и Б. Н. Никитин были реабилитированы 11 января 1957 г. Президиумом Верховного Суда РСФСР, постановившим отменить приговоры СК Воронежского областного суда от 11 сентября 1935 г. и СК Верховного суда РСФСР от 23 октября 1935 г. и дело производством прекратить за недоказанностью предъявленного обвинения [5, л. 53].

Что касается дальнейшей судьбы А. Болдырева, то первоначально он попал в Волголаг – Волжский исправительно-трудовой лагерь, созданный для строительства Угличского и Рыбинского водохранилищ. В Рыбинске он был зачислен в аппарат клуба и занимался закупкой музыкальных инструментов и нот у населения городов, предназначенных к затоплению в ходе строительства гидроузла. Однако, спустя несколько месяцев, в конце 1935 г. он был вновь арестован по обвинению в создании в лагере контрреволюционной организации с целью свержения Советской власти. Руководителями вымышленной организации из ста человек, кроме него, были назначены бывший работник Коминтерна Эмиль Францевич Вебер (1901 г. р.) и финский инженер Нерхо. Все они попали под действие постановления ЦИК от 1 декабря 1934 г. № 23 «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», положившего начало массовому террору после убийства С. М. Кирова [8]. Обвиняемые были переведены в камеру смертников. Однако судьба хранила А. Болдырева. Э. Ф. Вебера расстреляли 28 декабря 1937 г. (реабилитирован в 1956 г. [9]), Нерхо выслали в Финляндию, а А. Болдырева сослали на Колыму. Однако ожидание расстрела не прошло даром для музыканта. Он свидетельствует: «Говорят, что я сочинял песни, которые распевал весь лагерь, но, увы, увы, я ничего ровным счетом не помню (я сам не помню, это свидетельство того, что я просидел 6 месяцев в ожидании расстрела,

который, в конце концов, не состоялся, а в результате – частичная амнезия. Относительная память вернулась ко мне в 1956 г.» [1, с. 22].

На Колыме А. Болдырев работал в забое, на лесоповале, лагерных театрах. Здесь он познакомился со многими видными представителями науки и культуры – будущим доктором искусствоведения Г. К. Вагнером, режиссером и сценаристом Л. В. Варпаховским, композитором и певцом В. А. Козиним, старыми политкаторжанами. В лагере А. А. Болдырев также встретился со следователем, вынесшим обвинительное заключение по его делу, однако к тому времени он уже пребывал в ином положении. Музыкант не указывает на новый статус Суворова, он просто вскользь упоминает: «Август 39. Встреча с моим старым знакомым Сувориным» [там же, с. 14]. Однако из опубликованных к настоящему времени списков сотрудников НКВД выясняется, что А. М. Суворов был уволен с действительной службы согласно ст. 38. п. «б» «Положения о прохождении службы начальствующим составом Главного управления государственной безопасности НКВД СССР» от 16 октября 1935 г. Этот пункт указывает в качестве одной из причин увольнения арест чекистов судебными органами. А. М. Суворов был арестован 21 ноября 1937 г. [10]. После ареста в марте 1937 г. и последующего расстрела Г. Г. Ягоды в отношении чекистов прокатилась волна репрессий, которая не миновала и г. Воронеж.

По иронии судьбы следователь попал в один лагерь с осужденным им музыкантом. Справедливость восторжествовала, и остается только отдать должное благородству А. А. Болдырева, который не только не позволил себе ни капли злорадства по поводу ареста следователя, обрекшего его на лагерные страдания и долгие годы жизни вдали от родных и друзей, но даже не упомянул в своих воспоминаниях о его статусе заключенного.

24 апреля 1940 г. окончился срок заключения А. А. Болдырева, но, как он замечает, «освободиться из тюрьмы – это еще не значит быть свободным» [1, с. 14]. Музыкант был переведен в пос. Оротукан на работу в клуб имени Т. Маландиной (комсомолки, убитой бандитами в 1937 г.), затем он руководил хоровыми коллективами Дальстроя («Ягодное»), Колымы («Утиный»). В 1948 г. ему разрешили вернуться в Воронеж, однако не навсегда, а только в отпуск, после чего А. Болдырев переехал в Семипалатинск, где работал в театре. В общей сложности 22 года проработал А. А. Болдырев в лагерных клубных театрах, в которых занимался постановкой оперетт и музыкальных спектаклей. Все это время он не прекращал композиторскую деятельность, сочиняя музыкальные произведения; он также вел записи о лагерной жизни, но, к величайшему сожалению, на склоне лет, по его собственному признанию, их уничтожил.

В 1957 г. А. А. Болдырев получил постановление о реабилитации, после чего наконец-то смог вернуться в родной город. В Воронеже он начал с преподавания музыки в средней школе № 11 и руководства хоровым классом в Детской музыкальной школе № 1 Центрального района. Н. К. Масалитинова, заведующая отделом хорового и сольного пения Воронежского музыкального колледжа имени Ростроповичей, вспоминает: «Мне повезло как студентке проходить практику (правда, немного) у Александра Александровича в СОШ № 11, вести урок пения и музыки. А вел он урок – интересно, занимательно: все “работали” – творили. Сколько было выдумки и фантазии» [11, с. 25]. Затем А. А. Болдырев стал главным хормейстером (с 1961 г.) и художественным руководителем ансамбля народной песни и пляски «Весенние зори» (с 1973 г.). Одновременно он являлся организатором и художественным руководителем хора мальчиков при Хоровом музыкальном обществе (1958–1963 гг.) и женского камерного хора при Всероссийском музыкальном обществе (с 1975 г.). С 1975 г. преподавал методику работы с детским хором в музыкальном училище.

Много внимания А. А. Болдырев уделял сбору народных песен воронежского края, занимался их аранжировкой и обработкой, перекладывал классические музыкальные произведения для исполнения хоровыми коллективами, писал оперы («Дядя Ваня», «Романтики»), романсы и хоровые произведения. Творчество музыканта было оценено по достоинству – он стал лауреатом международных фестивалей и конкурсов (VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки (1962 г.), Стражниче (ЧССР), Аридиенто (Италия)), а в 1969 г. получил звание заслуженного работника культуры РСФСР. Высоко оценивали деятельность А. А. Болдырева представители воронежской музыкальной общественности. Т. М. Ижогина, заслуженный работник культуры Воронежской области, пишет: «В нашей воронежской музыкальной среде есть свой табель о рангах, своя творческая лестница выдающихся деятелей культуры, которые создавали особую атмосферу музыкальной жизни. И первым среди равных стоит имя Александра Александровича Болдырева» [там же, с. 27].

А. А. Болдырев скончался 19 февраля 1995 г. в г. Воронеже. В 2014 г. в честь столетия со дня его рождения в рамках второго «Веневитинского сезона» Весна-2014 (Музей-усадьба Д. В. Веневитинова) состоялись конференция «Воронежская музыкальная интеллигенция XX века» и торжественный концерт [12]. В настоящее время в городе регулярно

проводится хоровой фестиваль имени А. А. Болдырева, а на доме № 14 по ул. Средне-Московской, где он жил, установлена мемориальная доска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев А. А. Воспоминания / А. А. Болдырев // «...И жизнь любить заставил...». Александр Александрович Болдырев (1914–1995). Воспоминания учеников и коллег. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2014.
2. Болдырев Александр Александрович. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Болдырев,_Александр_Александрович
3. 97-й день проекта «Имена Воронежа» // Коммуна. – 2010. – 17 окт.
4. Конференция «Воронежская музыкальная интеллигенция XX века» и торжественный концерт : 100-летию со дня рождения Александра Александровича Болдырева посвящается. – Режим доступа: <https://www.centre-britannia.com/2014-april--voronezh>
5. ГАОПИВО. – Ф. 9353. – Оп. 2. – Д. 8573.
6. Алленова В. А. Воронежская община протоиерея М. Ф. Бучнева (1920-е годы) / В. А. Алленова // Православные братства в истории России : к 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов : сб. науч. трудов : в 2 ч. – М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2018. – Ч. 2. – С. 256–285.
7. Статья 58 УК РСФСР. – Режим доступа: <https://stalinism.ru/dokumentyi/statya-58-uk-rsfsr>
8. О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов : постановление ЦИК от 1 декабря 1934 г. № 23. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ЦИК_и_СНК_СССР_от_1.12.1934_№_23_О_порядке_ведения_дел_о_подготовке_или_совершении_террористических_актов
9. Открытый список. – Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Вебер_Эмиль_Францевич_\(1901\)](https://ru.openlist.wiki/Вебер_Эмиль_Францевич_(1901))
10. Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. – Режим доступа: https://nkvd.memo.ru/index.php/Суворов,_Александр_Михайлович
11. «...И жизнь любить заставил...». Александр Александрович Болдырев (1914–1995). Воспоминания учеников и коллег. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2014.
12. Веневитиновские сезоны. Весна-2014. Часть I / PART I. Конференция «Воронежская музыкальная интеллигенция XX века» и торжественный концерт. – Режим доступа: <https://www.centre-britannia.com/2014-april--voronezh>

Воронежский государственный университет
Алленова В. А., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения
E-mail: allenova.va@gmail.com

Voronezh State University
Allenova V. A., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Contemporary
Russian History, Historiography and Documentation
E-mail: allenova.va@gmail.com